



**Лазутина Галина Викторовна**

кандидат филологических наук, доцент,  
старший научный сотрудник,  
кафедра периодической печати, факультет журналистики  
Московский государственный университет  
им. М.В. Ломоносова,  
125009, г. Москва, ул. Моховая, 9, e-mail: galvik34@mail.ru

**Lazutina Galina Viktorovna**

PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher,  
Chair of Print Journalism, Faculty of Journalism,  
Lomonosov Moscow State University,  
125009, Moscow, Mohovaya st., 9, e-mail: galvik34@mail.ru

---

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА:  
ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ**

В статье автор обращается к идеям, высказанным им в учебниках «Профессиональная этика журналиста» и «Основы творческой деятельности журналиста». Он пишет об особенностях профессии, особенностях журналистского текста, о способе журналистской деятельности и выражает обеспокоенность по поводу разрушения в современных условиях этической состоятельности профессии.

*Ключевые слова:* массовые информационные потоки, журналистский текст, способ профессиональной деятельности журналиста, профессиональная этика журналиста, саморегулирование журналистского сообщества.

---

**PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A JOURNALIST:  
APPROACHES TO THE UNDERSTANDING  
OF JOURNALISM ETHICS**

In the article the author turns to the ideas, which were presented in the course books «Professional Journalism Ethics» and «Basics of creative activity of a journalist». She writes about the peculiarities of the profession, the journalistic text, the way of creative activity and expresses concern about the destruction of the ethic consistency of the profession.

*Keywords:* mass information streams, journalism text, way of creative activity of a journalist, journalism professional ethics, self-regulation of the journalism community.

---

В тех новых социально-исторических условиях, которые сложились в России на рубеже XX и XXI вв, нравственная практика и профессиональное сознание журналиста претерпели существенные изменения. Для глубокого понимания их сути недостаточно ранее накопленного знания о журналистике и професси-

ональной морали журналистского «цеха». Существует объективная необходимость в интенсификации исследований методологических основ профессии. Она подтверждается и тем, что в разных странах мира среди журналистской общественности не прекращаются дискуссии о сути журналистики. Что она — вестник

дурных и хороших сообщений или сторожевой пес власти? «Бешеная собака», кидающаяся на власть даже без команды «Фас!», или лстивое «зеркало жизни»? Создательница мифов для общественного сознания или могущественная «четвертая власть»? Появляются концепции, утверждающие поливариантность роли журналистики. Так, И.М. Дзялошинский дает развернутую характеристику трех ее моделей. Он говорит о журналистике влияния (именно ее называют «четвертой властью»), о журналистике-бизнесе, производящей товар для информационного рынка, о журналистике соучастия, ориентированной на помощь людям.

Несомненно, что журналистика как деятельность может быть ориентирована на цели влияния, бизнеса и соучастия. Но реализуются ли на практике эти цели ее самостоятельными вариантами или просто определяют ее аспекты и тем самым диктуют ракурсы изучения? На эти вопросы еще нет убедительного ответа. А оснований подумать над ними немало.

Начать с того, что главный, определяющий, *сущностный* признак власти как одного из механизмов управления заключается в ее назначении, в ее праве принимать решения, касающиеся общества в целом, отдельных его групп или граждан, и приводить эти решения в жизнь с помощью весьма широкой системы средств.

Журналистика таких решений не принимает и, следовательно, в строгом, терминологическом смысле слова властью не является. Однако это отнюдь не мешает ей быть действительно влиятельной силой, причем настолько влиятельной, что по отношению к ней вполне правомерна метафора «четвертая власть». Суть в том, что как тип деятельности журналистика занимает особое место в социуме, имеет особое назначение.

С одной стороны, она включена в отношения управления в обществе: ее место — между властью в трех ее проявлениях (субъект управления) и народом (объект управления). Она информирует о властных решениях, способствует их распространению и разъяснению, обнаруживает реакцию масс на них, а также требования народа к власти и т.д. Иначе говоря, выступает в функции *средства управления*.

С другой стороны, она, помимо отношений управления, включена непосредственно в отношения общественного сознания и общественного бытия, т.е. выступает как самостоятельное звено в механизмах саморегуляции общества, как одно из ее средств. И в этом качестве она призвана выполнять особые обязанности, а именно:

— давать членам общества адекватную информацию о действительности, обо всех ее существенных изменениях — как на очевидном уровне (события), так и на неочевидном, постигаемом усилиями мысли (проблемы), причем независимо от того, хотят этого или не хотят институты власти;

— служить ареной свободного обмена мнениями среди граждан, позволяя самоопределиться общественному мнению, подчас вопреки желанию власти это мнение направленно формировать;

— насыщать массовые информационные потоки общества материалами, несущими самые разные варианты знаний, норм и ценностей, создавая возможности для их конкуренции и стимулируя нравственные, духовные искания людей, благодаря чему достигается развитие массового сознания общества и в то же время сохраняется необходимый уровень его преэминентности, общезначимости.

Двойное предназначение становится объективной основой двух противоречивых тенденций в журналистике: *тенденции к сопряженности с властью и тенденции к независимости от нее*. Борьба между ними неизбежна и выступает в качестве движущего противоречия журналистики, имеющего множество проявлений и определяющего смену ее состояний, актуализацию того или иного ее аспекта. Подобно всякому противоречию оно проходит разные стадии, поэтому на разных исторических этапах журналистика выглядит по-разному. То в официальном своем проявлении она оказывается придатком власти, спеленутым по рукам и ногам, как это бывает, к примеру, в тоталитарных государствах, и тогда неизбежно возникает *второй, неофициальный, подпольный ее слой*, претендующий на честное посредничество в отношениях между бытием и сознанием общества. То она превращается в непримиримого оппонента властных структур, и тогда институты власти задыхаются без информационной поддержки прессы, а общество теряет надежду на согласованность практических действий, на избавление от хаоса. Но бывают периоды гармоничного сосуществования тенденций, и, конечно же, они совпадают с периодами гармонизации общественных отношений (вспомним путь свободной английской журналистики, начавшийся в 1689 г. с известного исторического компромисса, позволившего совместить требования третьего сословия и английской аристократии, или романтическую атмосферу первых лет перестройки в России). Создавая прецеденты для будущих времен — времен научной организации взаимодействия власти и журналистики, такие периоды, тем не менее, не могут абсолютно исключить нового обострения противоречия

(по крайней мере, на данной стадии общественного развития), и мы в очередной раз убеждаемся в этом сегодня. Разрешаясь то в пользу одной тенденции, то в пользу другой, оно неизбежно возникает вновь, на новом уровне, ставя в повестку дня поиск еще не освоенных возможностей согласования разнопорядковых обязанностей прессы.

Уже на основании этих соображений можно сделать вывод, что, в силу различия функций журналистики в перекрестных контурах регулирования социума, субъект журналистской деятельности обречен периодически попадать в ситуации, подобные той, в которой сегодня оказался журналистский корпус России. Раздробленный центробежными силами, возникающими при столкновении противоборствующих тенденций, он переживает сейчас нелегкие времена. Тем более что на них выпали процессы изменения ценностной ориентации общества и усиление роли таких международных факторов, как глобализация, возникновение новых технологий, создание местных коммуникационных сетей.

Чтобы найти выход из этого состояния, требуется знать, как именно журналистика выполняет свои общественные обязанности.

И тут обнаруживаются очень любопытные вещи.

Широко распространена точка зрения, будто журналистика осуществляет свое назначение, *воздействуя на объект, каковым для нее всегда являются люди*. Между тем и за рубежом, и у нас в стране есть исследования, показавшие, что отношения средств массовой информации с аудиторией — не что иное, как *взаимодействие субъектов*. Оно становится отчетливо видимым, если подойти к журналистике как деятельности *продуктивной*. А иной подход

к ней, если мы хотим понять ее суть, мало плодотворен. Да, важнейшая характеристика журналистики состоит в том, что она — продуктивная деятельность, производство информационного продукта, предназначенного потребителю. И этот потребитель отнюдь не является объектом воздействия, поскольку он — субъект волеизъявления, а, следовательно, своей волей решает, потреблять ему продукцию журналистики или нет.

А что представляет собой продукция?

Здесь появляется еще одно интересное обстоятельство. Почти все теоретические труды по профессиональной этике в центр внимания ставят проблемы, связанные с созданием отдельных журналистских произведений, т.е. видят главную обязанность журналистики именно в этом. Так, скажем, развивая идею о структуре журналистской деятельности как единстве двух элементов — деятельности информационной и деятельности управленческой, ученые выявляют связанное с этим противоречие профессии, которое «журналист вынужден каждый раз разрешать лично, руководствуясь при этом собственным моральным сознанием», ибо виды деятельности, входящие в журналистскую деятельность, находятся в заведомо неравноправном положении по отношению друг к другу [1].

Заметим: вообще-то это противоречие — одно из многих проявлений того интегрального, сущностного противоречия, о котором говорилось ранее. Но сейчас речь о другом. Как видим, даже при попытке деятельностного подхода в данном случае на первый план выходит все-таки личное творчество журналиста. Тот факт, что он поставляет обществу информационную продукцию не только в виде отдельных, лично выполненных текстов, остается в

тени. Между тем этот факт можно считать доказанным и журналистской практикой, и усилиями исследователей такого направления, как организация работы редакционных коллективов СМИ. Он заключается в том, что само по себе, в одиночку, журналистское произведение не живет (исключение составляют лишь случаи, когда журналистика уходит в «подполье» и основной формой распространения ее материалов становится листовка). Обычно отдельный журналистский текст бывает частью газетного номера, радио- или телевизионной программы, выпуска интернет-издания. А номер, программа, выпуск представляют собой очередную дискретную порцию информации, которая вливается в массовые информационные потоки, непрерывно циркулирующие в обществе. Это обстоятельство не отменяют даже законы Интернет-пространства, открывающие возможность беспредельного опосредованного общения в лабиринтах гипертекста. В отличие от публицистических выступлений, вывешиваемых на сайты по инициативе автора как его индивидуальное обращение к обществу (прежде всего, это блоги), — журналистские тексты предлагаются читателю в мозаике других сообщений онлайн-изданий.

Структура массовых информационных потоков, представляющих собой актуальную форму существования массовой информации, очень богата. Она еще недостаточно изучена, но в многообразии ее компонентов легко убедиться, просмотрев хотя бы афишу телевизионных передач. Там значатся отнюдь не только журналистские тексты. Набор программ весьма широкий: от выступлений общественных деятелей, самых разных художественных произведений до игр и рекламы. Здесь есть все,

что необходимо для удовлетворения потребностей общества в актуальной массовой информации, назначение которой архиважно — поддерживать относительную инвариантность массового сознания и способствовать его обогащению. Ведь массовое сознание обеспечивает взаимопонимание в обществе, цементируя тем самым его единство. Одновременно массовые информационные потоки создают возможности для самоопределения общественного мнения, поскольку знакомят не только с новостями о происходящих событиях, но и с аргументацией лиц, высказывающих индивидуальные мнения о них (да и о других актуальных вопросах). Решения государственных органов, касающиеся всех, становятся известны населению тоже благодаря им. Словом, значение массовых информационных потоков, несущих самые разные медиа-тексты, для нормального течения жизни трудно переоценить, поскольку они напрямую связаны с ключевыми звеньями механизмов саморегуляции общества — массовым сознанием и общественным мнением.

Для того чтобы «наполнить» русло потоков, образуемое каналами печати, радиовещания, телевидения, новых медиа, необходимо сотрудничество представителей самых разных видов деятельности, самых разных видов информационного производства, начиная от администрации президента и заканчивая отделами прогнозов погоды метеослужб. Организатором такого сотрудничества в обществе и «участком сборки» общего продукта является журналистика, осознаваемая сегодня как медиапроизводство. В обязанности журналистов входит:

– проектировать массовые информационные потоки, привлекая к участию в них представителей самых разных областей жизни;

– редактировать полученные тексты, доводя их до принятых в обществе норм цивилизованного текстового общения;

– конструировать из этих текстов некоторое единство, именуемое номером газеты или журнала, выпуском сетевого издания, программой радиовещания или телевидения;

– с определенной периодичностью выпускать такие «притоки потоков» в свет.

И неудивительно, что в общественном сознании массовые информационные потоки живут как продукт журналистики. Люди смотрят по телевизору сериалы, но все равно воспринимают их как элемент журналистики. Так оно и есть. Концентрируя в редакционных службах множество произведений разных родов творчества, журналистика использует их как составные части для «сборки» все новых и новых компонентов интегрального продукта, позволяющего дать аудитории *движущуюся, объемную, полифоничную информационную картину социальной действительности в каждый конкретный момент*, включая и картину ценностных ориентаций общества. (Имеется в виду не панорама конкретных событий — информационная картина дня, а совокупность разных информационных продуктов, которые представляют в массовых информационных потоках соответствующий момент действительности.) Эта картина может более или менее соответствовать реальности, нести в себе те или иные «погрешности», но она позволяет обществу и человеку сколько-нибудь уверенно ориентироваться в происходящем, размышлять над ним, корректировать свои решения и действия. И чем в большей степени она соответствует реальности, чем она разнообразней, тем надежнее работают механизмы саморегуляции социума, воздействуя

и на механизмы государственного управления. Чем дальше она от реальности, чем произвольнее, тем выше вероятность «сбоев» в тех и других механизмах, тем больше опасностей для общества. Получается, что журналисты не просто создают массовые информационные потоки, они создают и те последствия, которые вызывает в обществе потребление их продукта. И надо отчетливо понимать: если сегодня на телеэкранах демонстрация насилия для решения проблем начинает доминировать, хотя существуют и другие возможности справляться с ними, значит, завтра мы столкнемся с тем, что сила станет доминирующей среди ценностей массового сознания.

Технология производства массовых информационных потоков не программирует ни хороших, ни дурных последствий. Ее процедуры — проектирование, редактирование, конструирование, выпуск информации — сами по себе нейтральны. Каждая из них разворачивается в особую стадию работы, связанную с решением весьма специфических задач и требующую соответствующих методов и технического инструментария. Но ведь каждую выполняют люди. И от того, как они это делают, какие ставят задачи, какие методы выбирают, каким образом используют технику, зависят и конкретное содержание массовых информационных потоков, и социальные последствия его освоения.

Все это, вместе взятое, позволяет заключить, что участие журналиста в подготовке и выпуске массовых информационных потоков — относительно самостоятельная сторона его профессиональной деятельности, которая осуществляется с помощью особых технологических процедур, регулируемых определенными производственными правилами и про-

фессионально-нравственными ориентирами поведения.

А вот вторая сторона профессиональной деятельности журналиста действительно представлена личным, индивидуальным или коллективным творчеством, направленным на создание журналистского произведения как специфического рода текстов. В массовых информационных потоках данный род текстов занимает особое место и выполняет особую роль, образуя «стремнину» потоков, их «стержневое течение» и во многом определяя состав остальных «частей». Почему так происходит? На этот вопрос помогает ответить характеристика основных черт журналистского произведения, задаваемых объективными факторами, которыми оно вызвано к жизни. Речь о своеобразии его семантики, прагматики и синтактики.

Семантическое своеобразие журналистского текста проявляется в его теме. При всем богатстве жизни, отражаемой в журналистских произведениях, с точки зрения тематического решения они объединены общим признаком. Он заключается в том, что тема любого текста содержит в себе реальную конкретную ситуацию действительности, отмеченную новизной и восходящую какой-то из своих сторон (а то и несколькими) к более широкой ситуации проблемного характера, переживаемой обществом. В этой особенности — секрет актуальности и общезначимости журналистского текста. Скажем, если в газете появится материал о том, что на юге Восточной Сибири испытано новое средство тушения лесных пожаров, он заинтересует всех, в чей край с наступлением летней жары пришла опасность гибели лесных массивов от огня. Если по телевидению ожидается специальный репортаж из кар-



диоцентра о новых методиках лечения инфаркта, у экранов соберутся и медики, желающие пополнить свой профессиональный багаж, и те, у кого есть основания стать их пациентами. Социальная действительность для журналистики есть постоянно обновляющаяся совокупность РКС, об изменениях наиболее значимых из которых надо давать обществу оперативное знание независимо от того, на каком уровне происходят эти изменения — на очевидном (события) или на неочевидном (проблемы).

*Прагматическое своеобразие* журналистского текста связано с тем, что он предназначен для ориентации в реальной действительности, т.е. по определению является практически полезным. Ценность его может быть большей или меньшей, это зависит от идеи произведения, у которой тоже есть общий для журналистских произведений признак: как правило, она содержит в себе две составляющие. Одна — информация о системе ценностей, на которые журналист опирается, интерпретируя ситуацию (опорная идея). Другая — информация, выработанная журналистом непосредственно при освоении ситуации: она подсказывает адресату текста внешние или внутренние действия, необходимые для разрешения проблемы, с которой связана ситуация (рабочая идея). Именно благодаря такому свойству журналистского текста, к примеру, начатая в свое время «Новой газетой» акция «Забывтый полк» превратилась практически во всенародную. Именно благодаря такому свойству журналистского текста может осуществлять свою благородную миссию фонд, созданный Чулпан Хаматовой и Диной Корзун для помощи детям, больным лейкемией.

Однако рабочая идея журналистского текста — только подсказка, не

более. Она может быть свернута до минимального обозначения отношения автора к предмету отражения или развернута до программы действий, но в любом случае она почти никогда не несет в себе повелительной интонации. (Исключение составляют особые социальные обстоятельства, такие, как, скажем, состояние войны, когда императивность идеи журналистского произведения обоснованно возрастает.) В то же время идея журналистского текста не является (точнее, не должна являться) и скрытым, закамуфлированным навязыванием конкретной модели поведения. В отличие от манипуляторских выступлений идея качественного журналистского материала ориентирует читателя на принятие собственного осмысленного решения.

*Своеобразие синтактики* журналистского произведения обусловлено его предназначенностью массовой аудитории. Его язык — это язык жизни: главным средством выражения информации здесь становятся смысловые единицы, передающие факты, — с их помощью воспроизводится ситуация. Вскрыть смысл фактов адресату информации помогает известный ему материал культуры, элементы которого журналист использует в тексте в виде образцов и нормативов<sup>1</sup>, играющих роль «семантического ключа»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> *Образы* представляют собой смысловые единицы, в которых с помощью материала культуры передается прошлый социальный опыт, воплощенный в конкретно-чувственной форме (прецеденты истории, фрагменты художественных и фольклорных текстов, экспрессивная лексика и т.д.). *Нормативы* — смысловые единицы, в которых прошлый социальный опыт передается в виде логических конструкций (положения законов, нормы и т.п. общественные установления).

<sup>2</sup> Подробнее об этом см. [2, с. 57–117].

Перечисленные особенности не просто делают журналистские тексты узнаваемыми для аудитории. Они, главное, сообщают им способность расширять до опыта общества естественные рамки опыта отдельного человека, обогащая тем самым его возможности участвовать в общественных делах и решать собственные житейские проблемы. Отсюда своеобразие реакций аудитории на журналистские материалы, весьма отличающихся от реакций на другие тексты массовых информационных потоков.

Подготовка материала, у которого тема, идея и структура текста отвечали бы указанным признакам, тоже оказывается делом специфическим. Оно не тождественно ни литературно-художественному, ни научному, ни даже публицистическому творчеству.

Обратим внимание на то, что публицистика — род творчества, не замкнутый в профессиональные рамки. Он дан человеку, чтобы тот мог выразить свое мнение по близким ему проблемам действительности и подтвердить фактами из собственного жизненного, гражданского, профессионального опыта. Появление Интернета принесло публицистическим текстам, обильно хлынувшим в Интернет-пространство, еще одно наименование — гражданская журналистика. Но суть этого рода деятельности не изменилась, просто его продукты обрели новый канал распространения, удивительно соответствующий их предназначению. Чем выше природный дар у того, кто обращается к общественному мнению со своим словом (в Интернете это в первую очередь блогеры), — тем слышнее его голос, тем чаще он достигает статуса публициста.

Журналист тоже может выступить с публицистическим текстом; более того, любой журналистский материал способен вобрать в себя личное

мнение автора по той или иной проблеме, основанное на его собственном опыте, и тогда у журналистского произведения возникает свойство, которое называется *публицистичностью*. Однако журналистский текст не тождествен публицистическому. По сути своей он не столько мнение, сколько *знание* — оперативное знание о движении жизни. У него должна быть другая степень надежности, поэтому и требования к нему другие. Он создается в результате специального добросовестного изучения действительности «здесь и сейчас».

Задавшись целью подготовить именно журналистский материал, человек должен решить два блока задач. Первый связан с освоением действительности и разворачивается в осознанную, целенаправленную познавательную деятельность. Она образует начальную стадию творческого акта, когда, оперативно выполняя соответствующие технологические операции (зачастую построенные на непосредственном или опосредованном общении), журналист выявляет факты, характеризующие изучаемую им ситуацию, и постигает их сущность, интерпретируя не только с помощью здравого смысла, но и с помощью положений науки. Только так он может установить то, что называется правдой о происходящем.

Второй блок задач связан с формированием и воплощением замысла конкретного материала на основе выработанной концепции, т.е. с предъявлением полученной информации. В разных средствах массовой информации эта стадия творческого процесса протекает со своими особенностями, но всегда в жестких временных рамках. В итоге же она все равно приводит к появлению журналистского текста, хотя и несколько отличающегося в газете, интернет-издании, на телевидении или радио.



Достижение всех этих целей требует использования разных методов. Их состав определяется характером задач, задающих структуру творческого акта, особенностями источников информации, а также законами познания и восприятия текста. Потому-то их так много. В соответствии со стадиями творческого акта они образуют две развернутые группы: *методы познавательной деятельности и методы предъявления информации*. Первая группа складывается из методов получения сведений и методов постижения сути. Вторая объединяет методы предъявления фактологического материала и методы предъявления материала культуры. Каждый из методов представляет собой *совокупность научно обоснованных действий, направленных на решение определенной задачи*, что принципиально отличает эти методы от аналогичных действий в обыденной жизни. Скажем, беседа как метод получения сведений в журналистике — совсем не то же самое, что беседа с другом за чашечкой кофе или бокалом вина, хотя и в том и в другом случае могут использоваться одинаковые атрибуты (вспомним, например, «застолья» в передаче Тимура Кизякова «Пока все дома»).

Стремясь улучшить качество информации — и той, которая «добывается», и той, которую предстоит передать аудитории, — журналист руководствуется принципом *дополнительности, обязывающим его комбинировать методы*.

Кроме того, при создании собственных произведений современному журналисту необходим *богатый «парк» техники, которой он должен свободно владеть*. Причем технические средства здесь выступают не просто как фактор, благоприятствующий течению деятельности (в подобной роли, например, использует-

ся автомобиль), они непосредственно участвуют в творческом процессе в качестве его технического элемента. Телефоны — от обычного до смартфона, коммуникатора, планшета и т.п., фотоаппараты и фотокамеры, микрофоны, видеокамеры, компьютеры, вся цифровая аппаратура... Сегодня они естественным образом «задействованы» в создании материалов, работник прессы — и печатной, и электронной — обойтись без них просто не может.

Но сама по себе технология и в этом случае есть только *возможность* создать качественный материал, способный выполнить свое предназначение. Будет или не будет реализована такая возможность, зависит от того, каким образом журналист использует технологию, т.е. от его личностных проявлений в процессе работы. Поэтому и возникает нужда в профессионально-нравственных ориентирах.

Выходит, перед нами еще один способ деятельности, необходимый журналисту в его работе? Можно было бы сказать: да, именно так. Коль скоро речь идет о производстве двух вариантов продукта, журналисту требуются два способа деятельности: один для подготовки массовых информационных потоков, другой — для создания специфических текстов. Но тут возникает правомерный вопрос: если журналист выполняет свои профессиональные обязанности двумя способами деятельности, следовательно, можно говорить и о двух вариантах профессионально-нравственных ориентиров? Ведь они всегда входят в структуру способа деятельности, являясь его обязательным компонентом.

Оказывается, нельзя. Дело в том, что оба эти варианта деятельности соотносимы именно с профессией журналиста и ни с какой иной. При всей их самостоятельности они тесно связаны друг с другом. У них один

и тот же субъект. (В данном случае речь не идет о внутрипрофессиональной специализации; подготовка и выпуск массовых информационных потоков рассматриваются как работа, в той или иной степени лежащая на плечи каждого журналиста.) Кроме того, они протекают в условиях, для которых характерны преимущественно одни и те же устойчивые черты. То, что одна из таких устойчивых черт состоит в подвижности, изменчивости части условий, ничего не меняет, — это парадокс, который надо принять к сведению. Следовательно, правильно говорить не о двух способах деятельности, а о *сложной, составной структуре единого способа деятельности*, отражающего в своих подструктурах две ее стороны. Это предопределяется двумя существенными обстоятельствами.

Первое. Порождающая модель журналистской деятельности<sup>1</sup>, носителем которой является ее субъект, по сути своей едина. Представление о характерных чертах журналистского текста связано в профессиональном сознании журналиста с представлением об особенностях массовых информационных потоков как часть и целое — в соответствии с реальным положением вещей. Более того: в порождающей модели *назначение журналистского текста содержится в снятом виде как составляющая назначения массовых информационных потоков*. Тем самым увязываются между собой и критерии их качества.

<sup>1</sup> Обозначим этим понятием обобщенное представление о характерных чертах журналистского текста как продукта деятельности, которое направляет ее течение и определяет ее способ.

Второе. Одинакова база решения технологических задач: в обоих случаях оно невозможно без интенсивного общения, представляющего собой для журналиста поле взаимодействия с субъектами других видов и других сфер деятельности. По отношению к журналисту субъекты других видов деятельности занимают разные ролевые и ценностные позиции, а потому отнюдь не в равной мере заинтересованы в самом факте взаимодействия. Из-за этого процесс работы полон проблемных ситуаций, решение которых практически всегда связано для журналиста с моральным выбором.

Казалось бы, названных обстоятельств достаточно, чтобы отбор стандартов профессионального поведения к современному этапу мог вывести сознание журналистского сообщества на единую развернутую систему профессионально-нравственной ориентации — систему, которая пригодна для регулятивной роли в обоих случаях профессиональной деятельности и способна поддерживать центростремительные силы журналистской корпорации. Однако этого не произошло. Практика СМИ показывает, что сегодня в российской журналистике наличие такой единой системы профессионально-нравственной ориентации — большой вопрос. Саморегулирование журналистского сообщества переживает кризис, который оборачивается разрушением этической состоятельности нашей профессии, и причина тому — *деформация самосознания сообщества, девальвация его ценностей, дискредитация профессионально-нравственных ориентиров*. Но это уже предмет размышлений для новой статьи.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 2003.
2. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2010.